

А. М. Горький и „интервью“

Отрывок из воспоминаний

В декабре 1902 г. исполнилось 25 лет со дня смерти Некрасова. Четверть века прошло с кончины поэта, завершившей «двести дней, двести ночей» страшных физических мук, нравственных терзаний и острых сомнений в ценности созданных им поэтических произведений. Много воды утекло. Народились новые поколения читателей. Для Некрасова и его поэзии наступала история.

В это время я, будучи студентом Московского университета, работал в редакции московской газеты «Новости дня» в качестве литературного хроникера: писал небольшие библиографические заметки и давал отчеты о заседаниях ученых обществ. Редактировал эту злободневную подцензурную газету Н. Е. Эфрос — даровитый театральный критик, а впоследствии известный театровед, автор прекрасных монографий о М. Н. Ермоловой, М. С. Щепкине, П. М. Саловском, В. И. Качалове и др.

В эти годы в западно-европейской прессе нарастали особый вид газетных статей, так называемых «интервью» и «анкет», т. е. высказываний известных политических и общественных деятелей, писателей, художников, артистов по различным вопросам текущей жизни, поставленным им газетой. Большую популярность приобретал новый тип газетного сотрудника, собиравшего эти высказывания знаменитостей, так называемого «интервьюера».

Н. Е. Эфрос, всегда тяготевший к новинкам заграничной прессы и усердно насаждавший в своей газете интервью, решил в связи с двадцатипятилетием смерти Некрасова организовать большую анкету по вопросу о том: отжил ли свой век Некрасов, каков приговор истории по отно-

шению к поэту, какое место приготовила ему судьба, ожидает ли его бессмертие или забвение? Сейчас для советского читателя вопрос этот звучит смешно и нелепо. а тогда, 34 года назад, в мрачные годы паризма и жесточайшей политической реакции, он был вполне актуален. Теперь каждый вузовец и комсомолец знает, что Некрасов — замечательный русский поэт, гениальный предшественник современной, советской proletарской поэзии. Но в 1902 г. роль и значение Некрасова в истории русской поэзии далеко еще не были бесспорны.

Организация и проведение этой анкеты были поручены редакцией мне.

Воодушевившись этим вопросом, я пустился в поход и побывал у нескольких московских писателей: Златовратского, Боборыкина, Бунина, Найденкова (автора пьесы «Дети Ванюшина»), Брюсова, Л. Андреева и др. От всех я получил тот или иной ответ, в большинстве случаев, конечно, положительные отзывы: от одних в письменном виде, от других устные. В числе писателей, которых я должен был посетить и «проинтервьюировать», конечно, был намерен и Максим Горький, который в связи с первой постановкой пьесы «На дне» в эту зиму жил в Москве. Н. Е. Эфрос был крайне заинтересован в получении отзыва от Алексея Максимовича, так как в эту зиму М. Горький был крайне популярен в Москве; слава его, казалось, достигшая своего зенита, гремела не только в России, но и за границей. Пьеса «Мещане», впервые поставленная в этом году в Петербурге, была уже переведена на немецкий язык и показана с большим успехом в Берлине и Вене. Одним словом, в конце 1902 г. имя Горького у всех было на устах и, естественно, что газете «Новости дня» очень хотелось заполучить на свои страницы отзыв и подпись Алексея Максимовича.

С большим трудом мне удалось узнать, где живет Горький. Оказалось, что он остановился на Спиридовке, в квартире С. А. Скирмунта, популярного москвича, сочувствовавшего социал-демократической партии, издателя книг с социалистической окраской и владельца книжного магазина «Труд». Позднее, в 1905 г., Скирмунт

финансировал издание московской ежедневной большевистской газеты «Борьба».

С чрезвычайным волнением переступал я порог квартиры Скимунта, и пока докладывали о моем приходе, в ожидании ответа, десятки мыслей пронеслось в моей голове: как я предстану перед знаменитым писателем, произведениями которого зачитывается вся страна, а в особенности молодежь: примет ли он меня; и если примет, как отнесется к приходу незванного гостя. Пришедшего отнять драгоценное время писателя и т. д. Вернувшись домабработница, по тогдашнему «горничная», и объявила, что Алексей Максимович не может меня принять. В отчаянии, не зная, что предпринять, я смотрел на домабработницу, думая о том, что мне теперь делать. Вернуться в редакцию с пустыми руками и сообщить, что мне не удалось даже увидеть Горького, было стыдно, не позволяло профессиональное самолюбие газетного хроникера. К моему счастью, в это время через переднюю прошла писательница Крандиевская, знавшая меня не в качестве интервьюера, а как участника московских литературных кружков. Узнав, в чем дело, Крандиевская взялась устроить мне свидание с Горьким и пошла к нему. Через несколько минут я был принят Алексеем Максимовичем.

В своей неизменной суконной косоворотке, которую он носил в те годы, подпоясанный ремнем, в сапогах, он сидел на полконнике. У него было несколько утомленный вид, но непослушная прядь длинных волос так задорно свисала на правую сторону лба, глаза горели таким ясным блеском, что я был совершенно поражен обаянием, струившимся от этого стройного, молодого «блужника». Горькому было в то время 32 года. Ал. Максимович усадил меня в кресло и спросил, что мне угодно.

С трудом, волнуясь, криво подбирая слова, я изложил ему кое-как пель моего прихода. Горький внимательно и молча выслушал меня.

— Не делом занимаетесь, молодой человек, — сказал он вдруг. — Развиганьем непужного, праздного любопытства. У каждого писателя есть свое мнение о Некрасове, но вовсе не необходимо, чтобы о нем

были осведомлены читатели «Новостей дня». Кому какое дело, как думает Иванов о Петрове? И что за манера вторгаться в чужую квартиру и требовать раскрытия чужих мнений: сегодня вы запрашиваете меня о Некрасове, завтра спросите о Венере Милосской, а после завтра о капусте. А я так на все ваши вопросы и отвечай. Передайте вашей редакции, что никакого ответа я не дам, — порывисто закончил Горький и встал с полконника. Я гаснул, что аудиенция окончена и собрался уходить. Интервью сорвалось. Но, вероятно, вид у меня был такой позавленный и растерянный, что Алексею Максимовичу стало жалко меня, и он ласково, с доброй улыбкой взял меня за руку.

— На каком вы факультете? — спросил он.

— На юридическом.

— Чем больше всего интересуетесь?

— Гражданским правом.

— Ну и изучали бы свои листы и уложение Алексея Михайловича, чем ходить по чужим квартирам. А что вы делаете в газете?

— Даю отчеты о заседаниях ученых обществ.

— Вот это хорошо; только побольше сидите в ученых обществах и поменьше в редакции, так будет лучше.

С этими словами А. М. крепко пожал мне руку и проводил до переленей.

— А Эфросу передайте, — добавил он уже в дверях, — чтобы никакого ответа от меня не ждал.

Но журналист не так легко сдается. Напорист, пепок был и Эфрос. Пользуясь своей близостью к Художественному театру, в котором в это время шли «Мещанине» и «На дне», он через своих друзей, Немировича-Данченко и Качалова, упрямых Горького ответить на анкету «Новостей дня», добился отзыва Горького.

Снова я был командирован на Спиридоповку, но на этот раз уже с более легким сердцем входил в квартиру Скимунта, зная, что сам Алексей Максимович назначил день и час моего прихода.

— Ну, как Кодекс Юстиниана? — шутливо встретил меня Алексей Максимович.

— Подвигается, — ответил я смело, — и получил от Горького листик бумаги.

Выйдя на улицу, на которой большими хлопьями падал снег, я прочел следующее:

«Я отказываюсь ответить на вопрос, — поэт ли Некрасов. Тот же, кто решился бы отвечать, сначала, я полагаю, должен точно определить содержание понятия — «поэт». Называют поэтом Гейне и Величко, Лермонтова и Мережковского. Здесь я вижу недопустимое растяжение понятия о поэте и поэзии, ибо, на мой взгляд, разница между творчеством Гейне — Лермонтова и Величко — Мережковского подобна разнице между «Адом» Данте и «Уставом о предупреждении и пресечении преступлений».

Затем я думаю, что постановка вопроса — поэт ли Некрасов — вызвана не духом все освещающей пыливости человеческой мысли, а духом праздности.

М. Горький.

Когда я принес рукопись в газету, редакция долго колебалась — печатать ее или нет. По существу ведь это был не ответ, а отказ от ответа, при чем довольно пренебрежительный. Последние три строки были явно обидные, если не издеватель-

ские. Но уж очень велик был соблазн украсить серые столбцы «Новостей дня» ярким именем Максима Горького, и 1 января 1903 г., в № 7028 «Новостей дня» появился ответ писателя, но... без последней фразы.

Подлинник рукописи Н. Е. Эфрос взял в свою коллекцию автографов, которая после его смерти перешла в театральные музеи им. Бахрушина, где находится и ныне.

Проф. С. Д. Балухатый в своей книге «Критика о Горьком» поместил этот отзыв Алексея Максимовича под рубрикой интервью, а не рукописей, не предполагая, что он написан рукой самого писателя.

И только недавно проф. Н. Л. Бродский нашел ее в Бахрушинском музее и опубликовал свою находку в № 35 «Литературной газеты».

Впоследствии я не раз встречался с Горьким, и когда однажды напомнил ему о «случае с Некрасовым», Алексей Максимович ласково улыбнулся и дружески пожал мне плечо.

С. КАРА-МУРЗА.